

Элита нижегородской служилой корпорации накануне Смоленской войны

Московское государство; дворяне и дети боярские; военно-служилые корпорации; служилый «город»; землевладение; Нижний Новгород.

Работа посвящена анализу персонального состава и положения лучшей части нижегородского служилого «города» по данным разборных списков 1630-х гг. в сравнении с информацией более ранних документов схожего характера.

На прошлых «Миловских чтениях» мы уже обращались к разборным спискам служилых людей по Нижнему Новгороду 1630 г. Мероприятие, в результате которого появились интересующие нас документы, стало звеном в подготовке к Смоленской войне 1632–1634 гг. Разбор содержал в себе две новые для Нижнего Новгорода процедуры. Во-первых, он проводился в разное время по «половинам», которыми служили дворяне и дети боярские в полках. Во-вторых, «город» был переведен на новый порядок учета – по статьям. Списки «первой» и «второй» половины по Нижнему Новгороду сохранились отдельно друг от друга. Причем у первого из документов отсутствует начальная часть с первой статьей и частью второй². С привлечением ряда других источников нами была проведена реконструкция утраченного фрагмента [1].

Проанализируем в этой работе трансформации, происходившие с «верхушкой» служилого сообщества. Два высших чина увеличились как абсолютно, так и в процентном отношении. В 1622 г. выборные дворяне и дворовые дети боярские были представлены 13 и 14 персонами соответственно. К 1630 г. число представителей каждого чина увеличилось на десяток, чего не наблюдалось в предыдущие десятилетия. Анализировать размеры поместного и денежного оклада мы можем лишь на материале второй половины «города». Размеры поместных окладов в целом не претерпели серьезных изменений. В 1622 г. у дворовых они начинались с 300, у выбора – с 400 четей. Потолок был 800. К 1630 г. оклад Г.В. Жедринского, возглавлявшего

¹ Чеченков Павел Валерьевич, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (РФ, Нижний Новгород), к.и.н., chechenkoff@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 1117. Л 1–26; Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 7. Л 1–52.

выбор второй половины, достиг 850 четей, а среди дворовых окладов в 700, 750 и 800 четей уже не было, максимум – 650. Почти все сохранившиеся в выборе с 1622 г., увеличили свои поместные оклады на 50–150 четей. А вот те, кто перешел в выбор из дворовых, или в дворовые из городских в основном сохранили прежние оклады. Размеры жалования изменились минимально. Таким образом, старый состав выбора укрепил свое положение, но это не означало само по себе улучшения материального, так как оклад все более отрывался от «дачи» и становился показателем статуса. С другой стороны, весьма характерно почти полное замораживание денежных окладов.

Расширение состава высших чинов привело к своеобразному снижению статусности городских детей боярских. В 1622 г. у 28 городских оклад превышал 350 четей. Встречались оклады в 600, 700 и даже 900 четей. В 1630 г. таковых было всего 11. Совсем большой оклад в 700 четей, мы можем ожидать только у П.Р. Матюнина, который, судя по нашей реконструкции, возглавлял городских первой половины. В результате, если в 1607 г. средний оклад представителей этого чина был 242 чети, а в 1618 г. – 250, в 1622 г. – 289, то в 1630 г. – 219. Соответственно, и размер жалования в персональном измерении изменился не сильно, но в 1630 г. среди городских таких денежных окладов, как 15, 19, 20, 25, 27 рублей, уже не встречается.

Еще одним признаком особого положения внутри уездной корпорации являлось получение жалование не с «городом», а из «чети» (четвертного приказа). На протяжении первой четверти XVII в. число четвертчиков увеличивалось за счет выборных, дворовых и верхушки городских. В 1622 г. почти все представители высших чинов обладали этой привилегией. Причем получение чина дворового сына боярского почти автоматически приводило к получению данной привилегии. В 1630 г. мы наблюдаем совсем иную ситуацию. Количество четвертчиков сократилось, как минимум на десяток (с 53 в 1622 г. до минимум 37). Исходя из анализа второй половины, можно сделать вывод, что после 1622 г. соответствующее поощрение перестало применяться. Получение жалования из чети сохранялось лишь за теми, у кого оно было по десятне 1622 г. В результате, если выборные второй половины остались четвертчиками (поскольку рекрутировались из дворовых и городских четвертчиков), то из 14 дворовых четвертное жалование получали лишь пятеро (еще про двоих окладчики не помнят), а из городских только четверо.

Столь же стабильным, по-видимому, остался состав окладчиков. Доподлинно он нам не известен. Начало списка, зафиксировавшего

первый разбор, утрачено, а в списке второго разбора окладчики не указаны. Однако в несохранившейся десятне 1630 г., составленной на основе данных списков, судя по имеющемуся алфавиту, в начале текста имелся концентрированный список фамилий, напоминающий перечень окладчиков. Все фамилии хорошо соотносятся с представителями верхушки первой половины «города». Это П.С. Арбузов, Н.Ф. Доможиров, И.С. Змеев, П.Р. Матюнин, Т.П. Нармацкий, С.В. Онучин, В.Ф. Приклонский, М.Н. Рокотов, А.П. Суровцев. Их объединяет то, что все они представляют первую статью. За единственным исключением все они выборные дворяне (П.Р. Матюнин – городской) и все до одного были окладчиками еще в 1622 г. Не имея текста источника сложно сказать, почему мы имеем дело только с фамилиями окладчиков первой половины, хотя раздача жалования проводилась для всего «города». Вряд ли девятью лицами исчерпывалась коллегия окладчиков. Даже в 1607 г. она насчитывала 10 человек, а позднее их количество росло до 23 в 1622 г. Трудно поверить в столь резкое сокращение. Потенциальными окладчиками из второй половины можно считать тех, кто выполнял соответствующие функции в 1622 г. Таковых мы находим почти столько же, сколько и в первой половине, а именно 8 человек: И.В. Аникеев, Н.К. Бородин, А.Д. и Г.В. Жедринские, И.Х. Злобин, Т.Р. Матюнин, Ф.С. Мостинин, В.И. Руженинов. Все зачислены в первую статью (Бородин и Руженинов – дворовые, Матюнин – городской, остальные из выбора).

Значение первостепенных родов начала века (Доможировы, Жедринские, Приклонские, Соловцовы, князья Болховские, Болтины и Онучины) продолжало снижаться. Количественно в состав «выбора» в 1630 г. они дали больше представителей, чем ранее (1607 и 1818 гг. – по 9 человек, 1622 г. – 7, 1627 г. – 8, 1630 г. – 10), но на фоне двукратного увеличения численности этого чина, первые его обладатели были не так заметны. Симптоматично, что среди дворовых находим лишь одного их представителя (С.Ж. Болтин). Это говорит о том, что по их стопам не шли (или медленно шли) их родственники. Справедливости ради стоит упомянуть, что Приклонские и особенно Жедринские были в числе городских с самыми высокими окладами.

После Смуты на смену Доможировым и Соловцовым на первый план вышли Приклонские, за ними Жедринские. В 1622 г. Приклонские были выше. К 1627 г. Жедринские их отодвинули. На фоне этой конкуренции не удивительно, что первую половину «города» возглавил Василий Федоров сын Приклонский (и, возможно, его брат Осип), а вторую Григорий Владимиров сын и Афанасий Дмитриев сын Жед-

ринские.

Состав выбора был довольно консервативен. Половина сохранили свои позиции с 1622 г. С того времени выбыло лишь двое: Б.М. Приклонский продвинулся в московские чины, причина отсутствия М.И. Алфимова неясна. Из новых выборных четверо относились к указанным фамилиям старой элиты, шестеро к родам, выдвинувшимся по итогам Смуты, чьи позиции были закреплены в десятне 1622 г, двое представляли фамилии, которые ранее не фигурировали в высших городских чинах. К первой группе, возможно, относился О.Ф. Приклонский, который в 1622 г. был в дворовых, а также Н.Ф. Доможиров из городских четвертчиков, А.М. Соловцов из новиков, П.И. Онучин, ранее в десятнях не встречавшийся. Последний, судя по Писцовой книге Нижегородского уезда 1622 г., числился тогда в казанских жильцах. Как и многие нижегородцы, улучшившие свои служебные позиции в годы Смуты, он был пожалован частью поместной земли в вотчину «за московское осадное сидение в королевичев приход».

Представители второй группы в 1622 г. все числились в дворовых и выше на тот момент пробиться не могли. Из них четверо (П.С. Арбузов, И.В. Аникеев, И.Х. Злобин, А.М. Беликов) из родов, служивших по Нижнему как минимум с середины XVI в., крепко здесь обосновавшихся, двое из небольших семей, чья служба здесь началась в начале XVII в. (А.П. Суворцев, Ф.С. Мостинин).

К третьей группе относятся И.З. Есин и И.Г. Веревкин. Первый в 1622 г. был городовым четвертчиком. Видимо какие-то особые заслуги позволили ему перескочить чин дворового или, по крайней мере, пройти его очень быстро. Веревкины в Нижегородском уезде известны с конца XVI в., но все они – казанские жильцы, в том числе Григорий Пававлов, получивший часть своего поместья в вотчину за «службу царя Василия Ивановича за казанскую и свияжскую». Иван Григорьев, видимо, его сын, первый из этого рода стал служить по Нижнему Новгороду и сразу попал в дворовые.

Таким образом, пополнение выбора происходило в основном за счет дворовых и представителей фамилий уже основательно закрепившихся в высших чинах.

Иная ситуация сложилась с формированием состава дворовых детей боярских. Из прежнего става не находим Т.Е. Жедринского и И.П. Козлова, 8 (или 9) человек продвинулись в выбор. Лишь четверо остались дворовыми: В.И. Рушенинов, Б.Г. Теряев, А.Ф. Бартнев, Т.Г. Борисов. Удивляет, что не получил следующего чина Руженинов.

Он еще с 1618 г. числился дворовым и окладчиком. Новых дворовых также можно объединить в несколько групп.

Первая: родственники выборных. А.В. Аникеев в 1622 г. принадлежал к среднему составу городских (оклад 350 четей), но его брат Иван был дворовым. К 1630 г. Иван получил высший городской чин, а его место среди дворовых как бы занял Андрей. Также городскими в 1622 г. были И.Ф. и К.С. Карамзины (450 и 350 четей соответственно), а брат К.С. Карамзина Дмитрий – дворовым. В боярской книге 1627 г. Дмитрий – уже выборный. В 1630 г. он в отставке или его уже не было в живых, а два родственника стали дворовыми. Также на смену отставленному выборному Ж.П. Болтину пришел бывший новик его сын Семен.

Вторая группа: представители верхушки городских (в основном из первых двух десятков) с высокими окладами, получавшие жалование из четверти. Именно они вместе со старыми кадрами заняли верхние позиции списка, а не родственники выборных (поскольку оклады, как было отмечено, выше почти не изменились). С.М. Русинов – в 1622 г. четвертый в списке городских (550 четей). Этот род в Нижнем Новгороде был не многочисленным: брат Василий и трое его детей. В 1607 г. еще служил их отец Михаил Иванов (400 четей). В алфавитах к несохранившимся десятням эта фамилия фигурирует, начиная с самого раннего – алфавита к десятне 1581 г. Русинов там зафиксирован один. Следовательно, им был Михаил.

Братья П.Б. и А.Б. Омачкины в 1622 г. занимали пятую и двенадцатую позиции среди городских (550 и 450 четей соответственно). Кроме них служили еще пятеро Омачкиных. В алфавитах фамилия с 1581 г. (три человека).

Н.К. Бородин в 1630 г. был единственным носителем фамилии. В 1622 г. он одиннадцатый в списке городских детей боярских (450 четей). К этому времени умер его брат Борис, а к 1613 г. – отец Казарин Кузьмин, также служившие по Нижнему Новгороду. У отца был в 1607 г. высокий для городского того времени оклад 450 четей. Казарин участвовал в походе на Астрахань и Терки с Ф.И. Шереметевым. Дед Никиты – «нижегородец» Кузьма Семенов сын погиб в битве на Молодах 1571 г.

Из реконструированной части документа к этой группе относятся четверо (к первым двум – никого). С.В. и И.В. Каиревы в 1622 г. занимали шестую и семнадцатую позиции (550 и 450 четей). В 1630 г. в городских с ними служили братья, а в новиках сын И.В. Каирева. Братья служили «по Яранскому» (городу). В 1607 г. городским сыном

боярским с окладом 400 четей по Нижнему Новгороду служил их отец Ислам (Василий). Василий и Иван Исламовы дети участвовали в походе на Астрахань и Терки.

С.И. Княжегорский в 1622 г. был восьмым (500 четей). С ним служил его брат И.И. Княжегорский (350 четей). Старший, несмотря на высокий оклад, был беспоместен. Его обеспечивали мать и брат. При этом он исполнял обязанности стрелецкого сотника в Нижнем Новгороде, а в 1613 г. представлял Нижний Новгород на земском соборе. В алфавитах фамилия с 1581 г. (две персоны). В битве на Молодях погиб Семейка Ширяев Княжгорский.

Б.Л. Костливцов в конце второго – третьем десятилетии XVII в. служил с двоюродными братьями Н.Г. и П.Г. Костливцовыми. В это время он был новиком. В это время в походе на Терки участвовал его дядя городской Гаврила Иевлев сын, а также городской Иван Григорьев сын. Служба другого дяди Льва, а также отца – Лаврентия Иевлевых детей по Нижнему Новгороду зафиксирована документами 1580-90-х гг. Писцовые материалы упоминают и других Костливцовых в Ниже-городском уезде.

Как видим, представителей этой группы объединяет не только то, что в 1622 г. все они были городскими четвертьчиками, но и то, что в уезде они известны с конца XVI в.

Третья группа: городские, получавшие жалование «с городом» и не занимавшие высоких позиций, но их роды более многочисленны и известны с середины XVI в. Это М.П. Колбецкий, А.И., Л.И, Л.Ф. Скрыпеевы. Писцовая книга 1622 г. упоминает чуть более полутора десятков Колбецких и чуть менее Скрыпеевых (включая детей и женщин). Самые ранние найденные данные об этих фамилиях в уезде восходят к 50-м гг. XVI в. В 1550 г. С.Т. Колбецкий был нижегородским ключником, неизвестный по имени Колбецкий и И.Д. Скрыпеев погибли в 1552 г. в «Казанское взятие».

Четвертая группа: выходцы из городских детей боярских без каких либо заметных отличий. У них не было ни высоких позиций, ни влиятельной и многочисленной родни: А.Ф. Крашов, Ф.Л. Дьяковский, А.А. Темецкий, С.Р. Бурцев Все они из реконструированной не сохранившейся части. Это рождает сомнения в их принадлежности к дворовым (но чем еще объяснить их нахождение в начальной части десяти?).

Таким образом, список дворовых значительно обновился. Он стал менее элитарным, более демократичным и доступным для старых нижегородских родов, известных еще по материалам XVI в. Коренные

нижегородцы стали активнее проникать как в состав выбора (Аникеевы, Арбузовы), так и дворовых (Бородины, Каиревы, Княжгорские, Колбецкие, Скрыпеевы), что ранее представляло серьезные затруднения.

1. *Чеченков П.В.* Об опыте изучения разборных списков по Нижнему Новгороду 1630 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.